

12+

Артем Соколов
*За Гранью Тьмы. Сделка
с Тьмой*

Артем Соколов

За Гранью Тьмы.

Сделка с Тьмой

<https://litres.ru/74307068>

ISBN 9785007089074

Аннотация

В мире, где равновесие Света и Тьмы висит на волоске, судьба одного из миров оказывается в руках тех, кто когда-то стоял по разные стороны баррикад. Каэл был всего лишь кузнецом-подмастерье, когда в его дом пришло зло. В попытке противостоять Тьме, он встречает Раума, загадочного демона, цели которого скрыты под пеленой его древней силы. Смогут ли два героя из разных миров остановить надвигающуюся угрозу или же позволят этому миру кануть во Тьму.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Пепел над Рассветной Долиной	9
Глава 2. Граница тени	16
Глава 3. Искра, что могла сжечь мир	25
Глава 4. Дорога в Пентальгард	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

За Гранью Тьмы. Сделка с Тьмой

Артем Соколов

© Артем Соколов, 2026

ISBN 978-5-0070-8907-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Над миром нависла свинцовая пелена — не то туман, не то пепел, оседающий на плечи, словно проклятие. В таких краях, где солнце давно забыло дорогу к земле, даже тишина звучала угрожающе — будто сама пустота затаила дыхание в ожидании чего-то чудовищного.

Каэл стоял на краю выжженного поля, где ещё вчера колышались колосья, а сегодня чернели обугленные стебли, будто кто-то провёл по земле лезвием тьмы. В его пальцах до сих пор подрагивали искры от последнего заклинания — слабого, почти беспомощного, но единственного, что он сумел выжать из себя, чтобы остаться в живых. Запах гари въедался в кожу, смешиваясь с металлическим привкусом крови — его собственной, из рассечённой брови.

Он не был избранным. Не был потомком древних родов, не носил знаков судьбы на коже и не слышал шёпота богов. Каэл был просто человеком — кузнецом по ремеслу, магом по необходимости и одиночкой по горькому стечению обстоятельств. Но сегодня судьба перестала быть равнодушной: она схватила его за горло и швырнула в самую гущу войны, о которой в его деревне шептались только в сказках у очага.

Война между Светом и Тьмой больше не была абстракцией из легенд. Она пришла к порогам, сжигая дома, стирая лица с памяти мира. И теперь Каэл стоял посреди этого кош-

мара, понимая: либо он научится сражаться, либо станет ещё одной тенью на пепелище.

Из мрака, сгустившегося у кромки леса, донёсся нечеловеческий хохот — резкий, звенящий, будто осколки стекла падали на камень. Каэл инстинктивно выставил перед собой дрожащую руку, пытаясь собрать хоть каплю силы. Но вместо удара тьмы из темноты вышел... демон.

Не тот, каких рисовали в священных книгах — гротескный, рогатый, пылающий гневом. Этот был худощав, в изысканном темно-бордовом фраке, с лицом, которое могло бы принадлежать уставшему бродяге, если бы не изумрудные отблески в глазах и когти, едва заметно выступающие из кончиков пальцев, что делали его хищником в глазах других. Он остановился в нескольких шагах, склонил голову набок и произнёс с насмешливой интонацией:

— Ты выглядишь так, будто готов упасть в обморок от собственной храбрости. Или уже упал, просто ещё не понял?

Каэл сжал зубы, пытаясь скрыть дрожь:

— Кто ты такой?

Демон фыркнул, будто вопрос был до смешного наивным, и лениво провёл когтем по обугленному стеблю, оставив на нём глубокую борозду:

— Тот, кто знает, как выжить в этой мясорубке. И, судя по всему, единственный, кто готов тебе это показать. Хотя, честно говоря, я не уверен, что ты протянешь дольше пары

дней. У тебя вид человека, который молится даже на тень.

На мгновение мир будто замер. Каэл смотрел на существо, которое по всем законам его веры должно было быть врагом, воплощением зла, исчадием бездны. Но в его усталых глазах не было злобы — только горькая усталость, знакомая каждому, кто слишком долго смотрел в лицо смерти.

— Зачем тебе помогать мне? — прохрипел Каэл.

Демон пожал плечами и шагнул ближе, нарушая все границы осторожности, а затем с кривой усмешкой добавил:

— Потому что эта война сожрёт всех — и светлых, и тёмных, и таких, как ты, кто просто хотел жить спокойно. А я, знаешь ли, не люблю, когда мир становится слишком скучным. К тому же наблюдать, как человек пытается не сломаться под весом судьбы, — это почти искусство. Почти.

Ветер снова взвыл, разрывая тишину, и Каэл вдруг понял: возможно, союз с демоном — это не падение во тьму, а единственный шанс удержать хоть искру света в этом погибающем мире.

Он медленно опустил руку, прекращая бесполезную защиту, и глухо произнёс:

— Ладно. Расскажи, что нужно делать.

И демон, криво усмехнувшись, кивнул в сторону леса, где тьма сгущалась плотнее, обещая новые битвы и новые потери:

— Для начала — перестать стоять как статуя. Они уже идут. И не вздумай снова пытаться колдовать этой своей...

э-э... «искрой». Если ты опять вызовешь столько силы, мы проиграем ещё до начала драки. Или, что хуже, я усну от скуки.

Тени вокруг шевельнулись, будто прислушиваясь к их словам, и воздух стал гуще, словно сам мир затаил дыхание перед надвигающейся бурей. Каэл сглотнул, чувствуя, как холод ползёт по спине, и всё же сделал шаг вперёд — вслед за существом, которое должно было быть его врагом, но сейчас казалось единственным проводником в этом проклятом, искалеченном мире.

Глава 1. Пепел над Рассветной Долиной

Рассветная Долина не оправдывала своего имени уже третий день подряд. Вместо алых полос на горизонте небо наливалось багровым, будто кто-то пролил кровь по краю мира. Каэл шёл по тропе, ссутулившись от усталости, и всё равно старался держаться прямо — привычка кузнеца, который привык, что осанка решает, выдержит ли рука удар молота.

Он был худощав, но не из-за слабости — просто жизнь в горах не баловала сытными обедами. Светлые волосы, выгоревшие до оттенка соломы, падали на лоб, и он то и дело отбрасывал их резким движением. На поясе в простых кожаных ножнах висел короткий стальной меч — не парадное оружие, а рабочий инструмент: им рубили ветки, защищались от волков и, как выяснилось за последние дни, кое-как отбивались от тварей, которых раньше считали сказками.

Сила Каэла была странной для кузнеца: она жила в ладонях, вспыхивала на кончиках пальцев и тянулась к свету и огню. Не величественное колдовство, которому учат годами в башнях магов, а упрямая, неровная искра, которая разгоралась, когда он злился или боялся. И в последние дни страха хватало с лихвой.

Всё началось с пропажи.

Сначала исчез старый пастух Ивар. Он ушёл с овцами к дальним лугам и не вернулся ни к закату, ни к полуночи. На следующее утро в деревню прибежал мальчишка, бледный, с дрожащими губами: он видел, как из тумана вышли фигуры без лиц и увели овец, а за ними по земле тянулся чёрный след, будто выжженный невидимым пламенем.

К полудню стало ясно: это не разбойники.

Староста собрал мужчин у колодца. Там стояли кузнец Борг, молчаливый и тяжёлый, как наковальня; молодой охотник Раэль, сжимавший лук так, будто хотел сломать его; и ещё пятеро, чьи имена Каэл знал, но сейчас не мог вспомнить — в памяти остались только их взгляды: насторожённые, испуганные, ищущие хоть кого-то, кто скажет: «Я знаю, что делать».

— Мы пойдём к лугам, — сказал Борг, и голос его звучал твёрдо, но в глазах читалось сомнение. — Проверим, что там.

Каэл шагнул вперёд, сам не зная, зачем:

— Я с вами.

Раэль хмыкнул, не зло, а скорее устало:

— Ты кузнец, а не воин.

— А если придётся чинить что-то на ходу? — буркнул Каэл, и в толпе мелькнула тень улыбки — короткой, нервной, как вспышка спички в темноте.

Они вышли за околицу, когда солнце ещё цеплялось за верхушки сосен. Сначала шли молча, потом разговоры стали тише, пока не стихли вовсе. Тропа петляла между камнями, и с каждым шагом воздух становился тяжелее, будто впитывал чужой страх.

На лугах их встретила тишина — не мирная, а пустая, как в доме, из которого вынесли всё живое. Овцы исчезли. Ивар тоже. А на траве лежала тонкая пепельная пыль, которая не сдувалась ветром и не смывалась каплями дождя.

Борг опустился на колено, провёл пальцами по земле и тихо выругался:

— Это не зола. Это... как будто сама жизнь здесь выгорела.

И в тот момент тьма шевельнулась.

Она не пришла волной, не обрушилась с рёвом — она просочилась сквозь щели между реальностью, как дым сквозь щели в стене. Из тумана выступили фигуры: высокие, угловатые, с телами, будто слепленными из теней. Их движения были неестественно плавными, как у кукол на нитках.

Мужчины схватились за оружие. Раэль выпустил стрелу — она прошла сквозь одну из фигур, не причинив вреда, и упала в траву, словно потеряв вес. Борг взмахнул топором, но лезвие ударилось о пустоту и отскочило с визгом, будто металл столкнулся с камнем.

Каэл отступил на шаг, чувствуя, как в груди разгорается жар — тот самый, который всегда появлялся, когда опасность подступала слишком близко. Его сила вспыхнула на ладонях дрожащим светом, похожим на пламя свечи на ветру. Он выхватил меч и, сам не веря в то, что делает, шагнул вперёд.

— Назад! — рявкнул Борг, но было поздно.

Одна из фигур метнулась к Каэлу, вытянув длинные, тонкие руки. Он вскинул меч, но удар получился неуклюжим, почти отчаянным. В тот миг, когда когти должны были вонзиться в его плечо, свет вырвался из его ладоней — яркий, резкий, как вспышка молнии в тесной кузнице. Тень зашипела и отпрянула, будто обожжённая.

Остальные фигуры замерли, словно прислушиваясь к чему-то, чего люди не могли слышать. Потом они отступили, растворяясь в тумане, оставляя после себя только пепел и звенящую тишину.

Когда дыхание вернулось, Борг посмотрел на Каэла с новым выражением — не как на кузнеца, а как на человека, у которого есть то, чего нет у других:

— Что это было?

Каэл опустил меч, чувствуя, как дрожат руки, и честно признался:

— Не знаю. Просто... когда страшно, во мне загорается свет.

Раэль провёл ладонью по лицу, стирая пот и пепел:

— Значит, он нам пригодится. Если эти твари боятся света, пусть он будет нашим факелом.

Но Каэл знал: свет не всегда побеждает тьму. Иногда он лишь оттягивает момент, когда она вернётся.

На обратном пути деревня встретила их не радостью, а тревогой. Люди стояли у домов, сжимая в руках вилы, топоры, косы — всё, что могло сойти за оружие. Дети жались к матерям, а старики смотрели на вернувшихся мужчин так, будто видели их в последний раз.

В ту ночь староста созвал совет. Говорили долго, перебивая друг друга, споря и умоляя. Одни хотели бежать, другие — держаться до конца. Каэл сидел в углу, слушая, как голоса

становятся всё громче, и чувствовал, как внутри снова разгорается та упрямая искра.

А потом пришёл вестник.

Юноша из соседнего поселения примчался на взмыленном коне, едва держась в седле. Его слова прозвучали как приговор:

— Они идут. Не только тени. Там есть и люди. Те, кто служит Тьме. Они сжигают деревни и оставляют после себя пустоту. Завтра они будут здесь.

Тишина накрыла избу, тяжёлая и окончательная, как крышка гроба.

— Сколько у нас времени? — спросил староста.

— До рассвета, — прошептал вестник, и его голос дрогнул.

Борг поднялся, тяжёлый и решительный:

— Тогда мы встретим их на рассвете. Соберём всех, кто может держать оружие. И пусть кузнец держит свой свет.

Каэл сжал кулаки, чувствуя, как тепло разливается по пальцам. Он не хотел быть героем. Он просто хотел защи-

тить свой дом. Но теперь он понимал: судьба не спрашивает, готов ли ты. Она просто ставит тебя на край пропасти и говорит: «Держись».

Он встал, выпрямился и тихо, но твёрдо произнёс:

— Я буду на стене. И если тьма придёт — я встречу её огнём.

Глава 2. Граница тени

Рассвет так и не пришёл. Вместо него над лесом повисла густая, маслянистая мгла — будто кто-то вылил в небо чернила, и они медленно оседали на кроны деревьев, превращая их в чёрные когти, тянущиеся к земле.

Каэл шёл в первых рядах, рядом с Боргом. Кузнец шагал тяжело, уверенно, как человек, привыкший, что земля должна ему подчиняться. Каэл же ступал осторожно, прислушиваясь не к хрусту веток, а к тому, как внутри него пульсирует свет — неровный, дрожащий, будто пламя на ветру. Меч он держал не как герой из легенд, а как продолжение собственной воли: крепко, но без показной бравады.

Они вошли в лес, и тишина накрыла их, словно саван. Птицы не пели. Даже ветер, казалось, боялся шевелиться среди этих стволов. Деревья будто сжимались вокруг, сужая тропу, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом тревоги.

— Здесь что-то не так, — пробормотал Раэль, натягивая тетиву, хотя цели не было видно. — Слишком тихо.

Борг только хмыкнул, но даже его уверенность звучала сейчас чуть менее твёрдо:

— Значит, будем шуметь первыми.

И в тот момент, когда слова ещё висели в воздухе, тьма ответила.

Из-за стволов выступили фигуры — те же безликие тени, что и на лугах, но теперь их было больше. А за ними шли люди — в чёрных плащах, с глазами, в которых не было ни страха, ни жалости, только холодная решимость. Служители Тьмы. Они не кричали, не насмехались — они просто шли, как механизм, которому не нужны слова.

Первая волна ударила без предупреждения. Тени метнулись вперёд, быстрые, как змеи, а люди за ними двигались размеренно, будто выполняли давно заученный танец смерти.

Раэль выпустил стрелу — она вонзилась в грудь одного из людей, но тот даже не замедлился. Лишь на мгновение склонил голову, будто прислушиваясь к боли, и пошёл дальше.

— Проклятие! — выкрикнул охотник, хватаясь за вторую стрелу.

Борг рванулся вперёд, его топор взметнулся в воздух и с глухим стуком врезался в плечо ближайшего врага. Человек

пошатнулся, но не упал — кровь потекла по чёрной ткани, но он снова шагнул вперёд.

Каэл почувствовал, как в груди вспыхивает жар, и свет вырвался из его ладоней, окутывая клинок мерцающим ореолом. Он бросился вперёд, рубя тень, которая метнулась к Боргу. Сталь прошла сквозь неё, но свет, вспыхнувший на лезвии, заставил тьму отпрянуть с шипящим звуком, будто капля воды упала на раскалённую сковороду.

— Держи свет! — рявкнул Борг, отбивая удар сразу двух противников. — Он им не нравится!

Каэл кивал, не в силах вымолвить ни слова. Его сила пульсировала, то разгораясь, то угасая, как будто сама не знала, хватит ли ей сил. Он отбивал удары, рубил тени, но их становилось всё больше, а ряды защитников редели.

Один из служителей Тьмы шагнул к Каэлу, подняв руку, и в воздухе повисло ощущение чего-то тяжёлого, давящего, будто само пространство сжималось вокруг. Каэл вскинул меч, но знал: этого будет недостаточно.

В тот миг, когда тьма должна была поглотить его, как уже сделала это с Раэлем и остальными, кроме Борга, из глубины леса раздался голос — спокойный, чуть насмешливый, будто

его обладатель пришёл не на битву, а на скучный спектакль.

— Ну-ну, не надо так драматично. Ты ведь даже не успел как следует испугаться.

Каэл обернулся — и замер.

Между деревьями стоял демон.

Он выглядел так, будто только что вышел из зала аристократического приёма, а не из тьмы леса. На нём был длинный фрак тёмно-бордового цвета, почти чёрного, с бархатными лацканами и серебряными пуговицами. Плащ струился за ним, как тень, повторяя каждое движение. Его пепельные волосы были зачёсаны назад, открывая утончённые, почти хищные черты лица. Ядовито-зелёные глаза смотрели на происходящее с лёгкой иронией, будто он оценивал не битву, а постановку в театре.

На правой руке демона поблескивало кольцо в виде ворона — чёрное, с изумрудными глазами. В левой он небрежно держал трость с набалдашником из тёмного хрусталя. И всё же в этой элегантности чувствовалась угроза — как в лезвии, спрятанном в изящных ножнах.

Демон щёлкнул пальцами, и воздух вокруг него дрогнул, будто реальность на мгновение потеряла фокус. Тени, метнувшиеся к нему, застыли, а затем рассыпались в пепел, не успев коснуться его одежды.

— Ты... — прохрипел Каэл, не зная, радоваться ему или бояться.

Демон приподнял бровь и слегка наклонил голову:

— Ах да, мы не представились официально. Можешь звать меня... скажем, Лордом Пустоты. Звучит внушительно, правда?

Борг, не опуская топора, уставился на демона с недоверием:

— Кто ты такой? И почему помогаешь?

Демон фыркнул, будто вопрос был до смешного наивным:

— Потому что смотреть, как вы героически гибнете, скучно. А я терпеть не могу скуку. К тому же... — он сделал паузу, скользнув взглядом по рядам наступающих врагов, — кажется, сегодня будет интересный вечер.

Он взмахнул тростью, и хрустальный набалдашник вспыхнул тусклым светом. Из земли вокруг них поднялась тонкая завеса тьмы — не густая, не удушающая, а словно сотканная из теней. Она не пропускала ни удары, ни стрелы, ни даже самую тьму, которая пыталась проникнуть внутрь.

— Это ненадолго, — бросил демон, не глядя на Каэла. —

Но даст вам время. Бегите.

— Мы не бросим деревню! — рявкнул Борг.

Демон медленно повернулся к нему, и в его глазах мелькнуло нечто, что заставило даже кузнеца слегка попятиться:

— Глупцы. Если вы останетесь здесь, деревня падёт. А если вы вернётесь и подготовитесь, у вас будет шанс. Иногда отступление — это тоже удар.

Каэл сглотнул, чувствуя, как свет внутри него пульсирует в такт бешеному ритму сердца:

— Как нам вернуться? Лес кишит ими.

Демон усмехнулся, и эта улыбка была одновременно красивой и пугающей:

— Следуйте за мной. И постарайтесь не отставать. Пустота не любит медлительных.

Он сделал шаг вперёд, и трость коснулась земли. В тот же миг пространство перед ними исказилось, будто кто-то провёл по воздуху невидимым ножом. Между деревьями открылся узкий проход — не тропа, а скорее прореха в самой ткани мира, мерцающая по краям фиолетовыми искрами.

— Не смотрите долго, — предупредил демон, проходя

первым. — Пустота любопытна. Она может решить, что вы ей понравились.

Каэл и Борг переглянулись, и в этом взгляде было всё: страх, недоверие, отчаяние и крошечная искра надежды. Они бросились следом, минуя тени, которые тянулись к ним, но не могли пересечь границу, очерченную силой демона.

Путь сквозь лес занял мгновения — или вечность. Время здесь теряло смысл, а воздух становился всё тяжелее, пока наконец они не вывалились на опушку, где ещё виднелись огни деревни.

— Быстрее, — рявкнул демон, отталкивая Каэла вперёд.
— У вас мало времени.

Борг уже бежал к деревне, выкрикивая предупреждения, а Каэл остановился, глядя на демона, который остался на границе света и тьмы.

— Почему ты помогаешь нам? — спросил он, задыхаясь.

Демон снова усмехнулся, но в этот раз в его улыбке мелькнуло что-то, похожее на усталость:

— Скажем так: я не люблю, когда мир становится слишком простым. А эта война... она обещает быть интересной.

Он поднял трость, и клинок, скрытый внутри, блеснул в тусклом свете.

— А теперь беги. И готовься. Потому что я не смогу защищать вас вечно.

Каэл кивнул и бросился к деревне, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

А демон остался стоять на опушке, наблюдая, как тьма сгущается вокруг него. Он медленно провёл пальцем по кольцу с вороном, будто проверяя, на месте ли оно, и тихо произнёс, скорее себе, чем кому-либо:

— Ну что ж... Посмотрим, сколько ты сможешь продержаться, маленький кузнец со своей искрой.

Тени сомкнулись вокруг него, но не поглотили — они отступили, словно боялись нарушить границы той силы, которую он носил в себе. Сила Пустоты не сражалась, она поглощала, стирала, делала несуществующим само понятие угрозы.

Когда Каэл ворвался в деревню, он кричал, задыхаясь, но слова вылетали чётко:

— Они идут! Готовьтесь! У нас мало времени!

Люди метались, хватали оружие, строили баррикады, зажигали факелы. Но теперь в их движениях была не паника, а решимость — та самая, которая появляется, когда понимаешь: бежать некуда, остаётся только стоять.

А на опушке леса, где тьма и свет сходились в молчаливом противостоянии, демон в бордовом фраке поднял трость и прошептал:

— Пусть начнётся игра.

Глава 3. Искра, что могла сжечь мир

Деревня готовилась к удару, как готовится человек, зная, что следующий вдох может стать последним. Баррикады из брёвен и телег перегородили единственную тропу, факелы горели неровно, будто боялись привлечь лишнее внимание. Женщины уводили детей в подвалы, мужчины сжимали топоры и вилы, а Каэл стоял на невысокой стене, чувствуя, как свет внутри него пульсирует в такт бешеному ритму сердца.

Он пытался удержать силу, но она рвалась наружу, как пламя, которому не хватает воздуха. Его ладони горели, меч мерцал, словно был выкован из самого рассвета. Но чем сильнее он старался, тем труднее становилось управлять этой энергией — она хотела не просто светить, она хотела гореть.

Тьма пришла не с криком, а с тишиной. Сначала погасли два факела на краю деревни, потом ещё три. Тени не бежали — они скользили, обтекая препятствия, как вода обтекает камни. А за ними шли люди в чёрном — те, кто добровольно отдал свою волю Тьме. Их глаза были пусты, а движения точны и безжалостны.

Первая волна ударила в баррикады. Люди кричали, рубили, кололи, но тени проходили сквозь удары, а служители Тьмы не чувствовали боли. Каэл видел, как Раэль выпустил стрелу, и она исчезла в густой мгле, не найдя цели. Борг, стоявший рядом, взмахнул топором, и лезвие высекло искры из невидимой преграды — будто сама тьма стала твёрдой.

— Держите строй! — рявкнул Борг, и его голос прозвучал как удар молота.

Каэл поднял руки, и свет вырвался из него, не послушный, не управляемый — он был как шторм, который никто не звал. Пламя поднялось над деревней, ослепительное, жаркое, выжигающее тьму... и вместе с ней — крайние дома, сухую солому на крышах, воздух, которым дышали люди.

— Нет! — крикнул Каэл, но его собственный голос потонул в рёве огня.

Сила, которую он так долго сдерживал, наконец вырвалась на свободу, и теперь он не мог её остановить. Свет становился всё ярче, всё горячее, он плавил камень, превращал дерево в пепел, и Каэл понял с леденящим ужасом: он уничтожает то, что поклялся защищать.

В этот миг рядом с ним возник демон.

Лорд Пустоты стоял прямо в эпицентре света, но пламя не касалось его. Его бордовый фрак не тлел, пепельные волосы не шевелились от жара, а ядовито-зелёные глаза смотрели на бушующую стихию с холодной сосредоточенностью. Он поднял трость, и хрустальный набалдашник вспыхнул тусклым, почти незаметным светом — не ярким, а как будто высасывающим саму суть пламени.

Пустота встретила свет, и мир на мгновение замер.

Не было взрыва, не было грохота — только тишина, в которой исчезало всё: жар, свет, даже сам воздух. Пламя, которое должно было сжечь деревню, просто... перестало существовать. Оно не погасло — оно стёрлось, как стирается надпись на песке под волной.

Демон опустил трость и посмотрел на Каэла так, будто тот только что едва не совершил самую большую глупость в истории мира.

— Ты чуть не сжёг здесь всё до основания, — произнёс он спокойно, почти буднично, будто обсуждал испорченный ужин. — Сила — это не только то, что ты можешь сделать. Это ещё и то, чего ты не должен делать.

Каэл пошатнулся, его руки дрожали, а свет, ещё недавно такой яркий, угас, оставив после себя только слабость и пепел на ладонях.

— Я... я не смог её удержать.

— Потому что ты не умеешь ею пользоваться, — демон чуть наклонил голову, и в его голосе не было ни злорадства, ни жалости — только констатация факта. — Ты думаешь, что сила — это когда ты можешь сжечь врага. Но настоящая сила — это когда ты можешь не сжечь того, кто стоит рядом.

Пока Каэл пытался прийти в себя, демон повернулся к надвигающейся тьме. Теперь его движения были не лениво-аристократичными, а стремительными, почти хищными. Он взмахнул тростью, и клинок, скрытый внутри, блеснул холодным светом. Кольцо с вороном на его руке вспыхнуло, и из земли поднялись волны пустоты — не чёрные, не серые, а такие, в которых не было вообще ничего: ни цвета, ни звука, ни самой возможности существовать.

Тени, столкнувшись с этой пустотой, не кричали — они просто исчезали, как капли воды на раскалённом железе. Служители Тьмы пытались атаковать, но их удары вязли в этой странной субстанции, их заклинания рассыпались, не успев сформироваться. Демон двигался среди них, как тан-

цор среди неуклюжих партнёров: уклонялся, парировал, наносил удары, и каждый его жест был одновременно изящным и смертоносным.

Когда последний враг растворился в пустоте, деревня замерла. Не было победных криков, не было ликования — только тишина и запах гари, смешанный с чем-то ещё, чем-то чужим, холодным, будто сама реальность здесь на мгновение истончилась.

Люди медленно опускали оружие, глядя на демона с опаской, смешанной с благоговением. Они не знали, кого благодарить — судьбу, богов или это существо, которое пришло из тьмы, чтобы спасти их от ещё большей тьмы.

Староста первым опустился на одно колено, не как перед королём, а как перед чем-то, что выходит за пределы понимания:

— Мы в долгу перед тобой.

Демон скользнул по нему взглядом, в котором читалось лёгкое раздражение от такого пафоса, и слегка наклонил голову:

— Не стоит. Я не ищу поклонения.

Но жители не слушали. Они подходили, шептали сло-

ва благодарности, протягивали хлеб и воду, будто пытались хоть чем-то отплатить за спасение. И в их глазах было не только облегчение — в них было новое знание: мир больше не был таким простым, каким казался раньше.

Каэл подошёл к демону, стараясь не смотреть ему прямо в глаза, будто боялся увидеть там что-то, к чему ещё не был готов:

— Спасибо.

Демон хмыкнул, поправил лацкан своего фрака, на котором не было ни пятнышка пепла, и посмотрел на Каэла с привычной иронией:

— Не благодари. Я сделал это не ради тебя. Просто не люблю, когда интересные вещи заканчиваются слишком рано.

Борг, стоявший рядом, скрестил руки на груди и смотрел на демона так, будто пытался разгадать, где спрятан подвох:

— И что теперь?

Демон медленно обвёл взглядом деревню, сгоревшие крыши, уставших людей, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на скуку:

— Теперь мы идём в Пентальгард.

— В столицу? — переспросил Каэл.

— Именно. Там корень этой войны. И если мы хотим её закончить, нужно ударить в самое сердце.

— А зачем тебе это? — спросил Борг, не скрывая недоверия.

Демон улыбнулся — не доброй, а острой, хищной улыбкой:

— Потому что эта война — скучная. Она длится слишком долго, повторяется по одним и тем же шаблонам. А я люблю перемены. К тому же... — он перевёл взгляд на Каэла, — у тебя есть потенциал. Ты умеешь делать глупости с размахом. Но если научить тебя не сжигать всё подряд, из тебя может получиться что-то стоящее.

Каэл сжал кулаки, чувствуя, как внутри снова шевелится искра, но теперь он знал: он не должен ей поддаваться.

— Ты хочешь меня учить?

— Хочу научить тебя контролировать свою силу. Не ради спасения мира, не ради справедливости. Ради того, чтобы ты перестал быть угрозой для самого себя. И, возможно, ради того, чтобы посмотреть, на что способен человек, если дать ему правильные инструменты.

Они стояли втроём — человек, кузнец и демон — на фоне сгоревшей, но не сломленной деревни. Жители смотрели им вслед, когда они собирались уходить, и в их взглядах была не только благодарность, но и страх: они провожали тех, кто теперь шёл туда, где решалась судьба всего мира.

Прежде чем двинуться дальше, демон остановился, чуть склонив голову, и тихо произнёс несколько слов на языке, от которого у Каэла по спине пробежал холодок — будто слова эти были старше самой земли. В тот же миг из сумрака вынырнула тёмная тень и, сделав круг над деревней, опустилась на край обгоревшей крыши.

Это был ворон — чёрный, как сама пустота, с глазами, сверкающими, словно раскалённые угли. Он не издавал ни звука, но в его неподвижности чувствовалась сила, способная удержать целую армию.

— Это мой фамильяр¹, — пояснил демон, будто отвечая на невысказанный вопрос. — Он останется здесь. Будет защищать деревню и передавать мне всё, что увидит. Если Тьма снова сунется сюда — она узнает, что значит столкнуться с Пустотой.

¹ Фамильяр — в мифологии и фольклоре волшебный дух-помощник.

Жители переглянулись, и в их взглядах мелькнуло странное облегчение — словно даже присутствие этой зловещей птицы давало больше надежды, чем все их баррикады вместе взятые.

— Теперь можно идти, — бросил демон, щёлкнув пальцами.

Из тени рядом с ним шагнул огненно-рыжий конь — не обычный скакун, а будто сотканный из пламени и дыма: его грива переливалась алыми и золотыми искрами, копыта оставляли на земле лёгкие следы жара. Конь фыркнул, кося глазом на людей, но подчинился лёгкому движению руки своего хозяина.

Каэл и Борг взяли лошадей из деревни — крепких, выносливых, привыкших к горным тропам. Каэл взобрался в седло, чувствуя, как привычная неуверенность борется в нём с решимостью. Борг молча проверил упряжь, потом коротко кивнул ему — мол, держись.

И они тронулись в путь.

Тропа вела их вперёд, в сторону столицы, где должны были решиться судьбы света и тьмы. Демон ехал впереди, величественный и отстранённый в своём бордовом фраке, с тро-

стью в руке и кольцом с вороном на пальце. Он выглядел не как спаситель и не как злодей — а как нечто третье, что не вписывалось ни в одну из привычных категорий.

— Держитесь рядом, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — И постарайся, кузнец, не поджечь ничего по дороге. У меня нет желания каждый раз стирать последствия твоей паники.

Каэл стиснул зубы, но в этот раз в его груди разгоралась не слепая паника, а упрямая решимость. Он не доверял демону. Он боялся его силы, его равнодушия, его странной логики. Но он понимал: без него они не дойдут до Пентальгарда. А без контроля над своей силой он станет опаснее любой тьмы.

В глазах демона, когда он на мгновение задержал взгляд на горизонте, читалась не надежда и не злорадство — а холодная уверенность в том, что самое интересное только начинается.

Глава 4. Дорога в Пентальгард

Путь к столице не был ни лёгким, ни прямым. Тропа то взбиралась на крутые склоны, то ныряла в сырые ущелья, где камни казались зубами, готовыми сомкнуться над путниками. Небо висело низко, серое и тяжёлое, будто само пространство устало от войны и хотело просто рухнуть вниз, накрыв всё пеленой дождя.

Каэл ехал, ссутулившись в седле, и старался не смотреть по сторонам — каждый тёмный куст напоминал ему о тенях, что скользили по Рассветной Долине. Его лошадь шла ровно, привычно к горным тропам, но сам он чувствовал себя чужим в этом ритме движения: будто мир качался, а он никак не мог поймать равновесие.

Борг держался рядом, молчаливый и тяжёлый, как скала, обтёсанная ветром. Его взгляд скользил по окрестностям, отмечая каждую неровность, каждый подозрительный шорох. Он не говорил лишнего, но в его присутствии Каэл всегда чувствовал себя чуть увереннее — словно рядом был якорь, который не даст унести в бурю.

А впереди, неизменно на шаг впереди, ехал Раум. Демон в своём бордовом фраке и длинном плаще выглядел так, будто

направлялся не в осаждаемую столицу, а на вечерний приём к королю. Его огненно-рыжий конь ступал по камням легко, почти не оставляя следов, лишь лёгкий жар вился над землёй там, где копыта касались поверхности. В руке Раум небрежно держал трость, будто это был не скрытый клинок, а просто дань аристократической привычке.

День тянулся медленно, и тишина между ними становилась почти осязаемой — не уютной, а напряжённой, как натянутая струна. Наконец, Каэл не выдержал.

— Почему ты вообще с нами? — спросил он, скорее себе, чем кому-то конкретно. — Ты ведь... не из наших.

Раум не обернулся. Лишь чуть приподнял бровь, будто вопрос был одновременно наивным и утомительным.

— Потому что мне скучно смотреть, как вы гибнете по шаблону. К тому же... — он чуть повернул голову, и его ядовито-зелёные глаза блеснули в полумраке, — у тебя есть потенциал. Пусть пока он проявляется в том, чтобы чуть не сжечь родную деревню, но это уже что-то.

Каэл сжал поводья, чувствуя, как в груди снова шевелится та упрямая искра — не ярости, а обиды.

— Я не хотел. Просто... я не умею её держать.

— Именно поэтому мы едем в Пентальгард, — спокойно ответил демон. — Там, возможно, найдётся то, что поможет тебе не быть угрозой для самого себя. Или хотя бы научит выбирать цели получше.

Борг хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — скорее горькое понимание.

— В моей семье кузнецы не искали великих путей. Мы ковали подковы, мечи, гвозди. Делали то, что нужно, и не лезли в дела богов и демонов.

Он помолчал, глядя вперёд, туда, где тропа терялась в серой дымке.

— Мой отец говорил: «Сила — это когда ты можешь удержать молот и не разбить то, что должно остаться целым». Я думал, он про металл. А теперь понимаю — он про всё.

Каэл покосился на него, и в груди шевельнулось что-то тёплое, похожее на благодарность.

— Ты всегда так говоришь... будто знаешь ответы.

— Не знаю. Просто стараюсь не забывать, чему учили. И не терять голову, когда мир сходит с ума.

На мгновение тишина снова накрыла их, но теперь она

была чуть мягче, не такой колючей.

— А ты, Каэл, — тихо произнёс Борг, не сводя взгляда с дороги, — Расскажи, откуда в тебе этот свет. Он ведь не с рождения был?

Каэл опустил глаза, будто стыдясь собственных воспоминаний.

— Он... появился, когда я остался один. Мои родители... их загрызли волки. Это случилось в лесу, ночью. Я помню только холод, тьму и то, как я кричал, пока голос не пропал. А потом... когда один из волков прыгнул на меня, я просто хотел, чтобы он исчез. И из меня вырвался свет. Он не убил зверя, но отбросил его, и я смог убежать.

Он сглотнул, будто пытаясь прогнать этот образ, но тот не уходил.

— Борг нашёл меня на рассвете. Я сидел у камня, весь в грязи и крови, и дрожал так, что зубы стучали. Он не стал спрашивать, почему я выжил. Просто взял за руку и повёл домой.

Борг коротко кивнул, не глядя на юношу.

— Ты был как волчонок. Дикий и упрямый. Но в тебе было что-то... не злое. И я подумал: пусть лучше этот огонь греет, чем жжёт.

Раум, до этого казавшийся полностью поглощённым дорогой, вдруг тихо фыркнул:

— Трогательно. Почти как баллада для деревенских свадеб. Только не ждите от меня слёз.

Но в его голосе не было настоящей язвительности — скорее привычная маска иронии, за которой пряталось что-то ещё.

— Расскажи и ты о себе, — неожиданно для себя самого попросил Каэл, поднимая взгляд на демона. — Откуда ты? Что заставило тебя... вмешаться?

Раум замер на мгновение, будто слова застряли у него в горле, а потом медленно покачал головой:

— Не сейчас. И, возможно, никогда. Моё имя — не то, что стоит произносить вслух, особенно в местах, где уши слышат слишком много.

— Но ты позволил звать себя Раумом, — заметил Каэл.

— Да. Это... приемлемо. Достаточно, чтобы вы не называли меня «эй, ты». Но моё настоящее имя — Аббадон. И его лучше не произносить нигде, особенно в Пентальгарде. Для людей это не просто слово. Это наводка. А я не хочу,

чтобы за мной охотились раньше времени.

Он чуть наклонился вперёд, и его голос стал жёстче, почти приказным:

— И ещё: в столице не называйте меня демоном. Вообще. Ни шёпотом, ни в гневе, ни даже в шутку. Здесь, среди гор, Тьма и Свет — это цвета на карте. А в Пентальгарде — это приговоры. Если кто-то узнает, кто я, нас не станут слушать. Нас просто уничтожат, не задавая вопросов.

Каэл и Борг переглянулись. В их взглядах читалось не только понимание, но и новая тяжесть: теперь они несли не только свою судьбу, но и тайну, способную их погубить.

— Хорошо, — кивнул Борг. — Мы будем молчать.

Раум чуть склонил голову, будто принимая это обещание, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на скепсис:

— Надеюсь. Люди так любят говорить, когда не должны.

Дорога вела их всё выше, в сторону перевала, за которым, по старым картам, начинались равнины, а за ними — Пентальгард. Ветер усиливался, срывая с камней мелкую крошку и швыряя её в лица. Каэл поднял воротник, пытаясь укрыться, но холод проникал не только под одежду — он забирался внутрь, напоминая о том, сколько всего ещё предстоит.

— Знаешь, что самое странное? — вдруг тихо произнёс Каэл, обращаясь скорее к Боргу, чем к демону. — Я всё ещё боюсь. Даже после всего, что было. Боюсь, что опять не удержу силу. Что сожгу не тех. Что... подведу.

Борг покосился на него и, вопреки своей привычке к молчанию, ответил:

— Страх — это не слабость. Это значит, ты понимаешь, что на кону. Главное — не дать ему стать хозяином. Держи его рядом, но не позволяй вести.

Раум снова фыркнул, но на этот раз в его смешке не было презрения:

— Мудрые слова для кузнеца. Почти философ.

— Мы, кузнецы, много думаем, пока бьём по металлу, — спокойно ответил Борг.

И снова наступила тишина, но теперь в ней не было напряжения. Она стала почти привычной, как ритм шагов лошадей по каменистой тропе.

К вечеру они остановились на ночлег в заброшенной сторожке, наполовину вросшей в склон. Стены ещё держались, крыша местами протекала, но здесь можно было развести ко-

стёр и хоть ненадолго забыть о дороге. Пока Борг собирал сухие ветки, а Каэл расседлывал лошадей, Раум отошёл к краю обрыва и замер, глядя на угасающий горизонт. Его фрак развевался на ветру, но сам он стоял неподвижно, будто сливаясь с тенью.

Каэл подошёл к нему, стараясь ступать тихо, чтобы не нарушить эту странную сосредоточенность.

— Ты... действительно думаешь, что в Пентальгарде нам помогут?

Демон не обернулся, но уголки его губ чуть дрогнули в намёке на усмешку:

— Помогут? Вряд ли. Скорее, попытаются использовать. Или уничтожить. Но там есть то, чего нет здесь: знания. И возможность понять, как остановить эту войну, прежде чем она сотрёт всё, что тебе дорого.

— А тебе? — тихо спросил Каэл. — Что дорого тебе?

Раум наконец повернул голову, и в его глазах вспыхнуло что-то холодное и древнее, будто за этим взглядом прятались века, которые человек не смог бы вместить.

— Мне дорого... разнообразие. Перемены. Скука — вот единственный враг, которого я по-настоящему ненавижу. А эта война... она слишком долго идёт по кругу. Пора её сло-

мать.

Он опустил взгляд на кольцо с вороном, провёл по нему пальцем, будто проверяя, на месте ли оно, и добавил уже спокойнее:

— И... возможно, мне интересно посмотреть, на что способен человек, если не дать ему сгореть раньше времени.

Каэл кивнул, не зная, что ещё сказать. Но в груди у него шевельнулось странное чувство — не доверие, нет. Скорее... признание того, что они связаны этой дорогой, хотят они того или нет.

Когда они вернулись к костру, Борг уже разложил ветки, и пламя робко цеплялось за сухую древесину. Они сели рядом, согреваясь этим скудным теплом, и на мгновение мир стал чуть меньше, чуть проще — просто три путника у костра, которым нужно пройти ещё много миль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.